

Св. Николай Японский и русско-японская война 1904–1905 гг.: опыт примирения сквозь призму веры

Мазурика Юлія

Мазурика Юлія. Св. Миколай Японський та російсько-японська війна 1904–1905 рр.: досвід примирення крізь призму віри. У статті розглядається положення Японської Православної Церкви в період русько-японської війни 1904–1905 рр. Основна увага приділяється особі Св. Миколая Японського, який зумів в умовах війни Японії та Росії виробити таку етичну позицію, щоб не порушити борг патріотизму по відношенню до своєї батьківщини і одночасно не ставити під удар православних японців. Підкреслюється, що завдяки унікальному рішенню проблеми «батьківщини та віри» Св. Миколаєм, православні приходи в Японії не піддавалися переслідуванням, а сам Святитель здобув глибоку пошану з боку як російської, так і японської громадськості. **Ключові слова:** російсько-японська війна 1904–1905 рр., Св. Миколай Японський, Японська Православна Церква.

Mazuryka Julia. St. Nicholas of Japan and the Russian-Japanese war 1904–1905: the experience of reconciliation in the light of faith. The position of Japanese Orthodox Church during the Russian-Japanese war of 1904–1905 is examined in the article. The attention is centered on the personality of St. Nicholas of Japan, who managed, under conditions of war between Japan and Russia, to establish a moral position not to violate the debt of patriotism in relation to his motherland and simultaneously not put under the blow the Orthodox Japanese. It is stressed that due to the unique solving of the problem of «motherland and faith» by St. Nicholas in the examined period, Orthodox parishes in Japan were not exposed to persecution, and St. Nicholas won deep respect of both Russian and Japanese public. **Key words:** Russian-Japanese war 1904–1905, St. Nicholas of Japan, Japanese Orthodox Church.

История Православия в Японии является лучшим образцом миссионерской практики Русской Православной Церкви, а также единственным до настоящего времени примером успешного массового распространения Православия за пределами сферы культурного влияния Восточной христианской церкви. Такая

особенность и уникальность истории Миссии во многом стала возможной благодаря личности ее основателя и многолетнего руководителя Святителя Николая (Касаткина) (1836–1912), который смог найти ключ к передаче православного вероучения народу дальневосточной культурной традиции. Его миссионерская деятельность настолько многогранна, что оценить ее представляется делом очень сложным. Известный историк-востоковед Д. Позднеев в своих «Воспоминаниях» о Святителе Николае отмечал, как трудно ему «говорить о том, кто является величайшей фигурой в миссионерской истории Японии; об апостоле, оставившем после себя до 200 церковных общин и свыше 30 тыс. христиан; о переводчике богослужебных книг, передавшем Японии почти всю Библию, почти все богослужебные книги и богословскую литературу; о педагоге, основавшем несколько школ, из которых вышли сотни японцев, проникнутых православным духом; об ученом, овладевшим японским языком». Перечисление заслуг Святителя Николая можно продолжать до бесконечности. Не случайно иностранные миссионеры, трудившиеся на Японских островах одновременно с ним, называли его «Миссионер-гигант», а Кафедральный Собор Воскресения в Токио, построенный Святителем, до сих пор известен в народе как «Николай-До», т. е. «Дом Николая».

Руководствуясь принципами раннего византийского миссионерства, а также согласно православной традиции и всему лучшему, что было в практике православной миссии, главная и единственная цель Святителя Николая заключалась в учреждении национальной Церкви, которая вобрала бы в себя черты характера и образ жизни японского народа. Подготовка клира из местного населения, введение в богослужение родного для японцев языка и ответственное самоуправление новой Церкви свидетельствуют о стремлении сделать так, чтобы она вошла в самую сердцевину народной жизни, стала ее неотъемлемой частью.

Важным периодом в истории Японской Православной Церкви, который способствовал сплочению православных японцев, показал верность православной вере, а также наглядно продемонстрировал опыт примирения двух народов сквозь призму православной веры, был период русско-японской войны 1904–1905 гг. Православных японцев постоянно упрекали в «измене родине», исповедании «русской веры», «русского христианства». Главным же испытанием для японских православных верующих в годы войны было непонимание со стороны соотечественников. Последователи «секты Николая» (или еще хуже: «николаевских негодяев»), как их называли – столкнулись со многими трудностями и, несмотря на указы правительства, воспрепятствующие гонения на православных христиан, они по-прежнему подвергались яростным оскорблениям, а нередко и нападениям. На саму Миссию смотрели как на «гнездо шпионов», «злостное место, откуда сыпятся проклятия на голову Японии и где молятся о ее поражении». Однако, невзирая на клевету в шпионаже со стороны японцев, равно как и на

обвинения в забвении родины и бесполезности деятельности со стороны соотечественников, Св. Николай не бросил паству в столь опасное время, когда легко могли возникнуть отпадения от Православия и даже уничтожение самой Миссии. Он остался в Японии, оказывая моральную поддержку японским православным, наглядно доказав при этом, что его проповедническая деятельность не имеет никакого отношения к русской политике. Все свои силы в этот период Св. Николай направил сначала на переводческую деятельность, а с появлением в Японии первых русских военнопленных – на заботу о них.

Уникальным по своему характеру источником для исследования данной проблематики становятся дневники Св. Николая (Касаткина) периода русско-японской войны [2, 6, 7]. Они проливают свет на то, что думал и чувствовал оставшийся во «вражеской» Японии и на протяжении всего военного периода не покидавший пределов Миссии в Токио Св. Николай и как он решил для себя проблему «родины» и «веры». Материалы же русской церковной периодики военных лет помогают реконструировать деятельность Православной Миссии в Японии, а точнее самих православных японцев, которые с благословения Св. Николая и при его руководстве занялись организацией помощи русским военнопленным [3-5, 8-17].

Тайные гонения на православных начались еще за несколько лет до войны, когда общественное мнение стало задумываться над тем, что война неизбежна. Как отмечает японский исследователь истории православия в Японии Наганава Мицуо, в декабре 1903 г., перед самым началом войны была публично осуществлена первая из таких акций. Разразился скандал, получивший название «инцидент *Ротан*» (*Ро* – аббревиатура слова «Россия», *тан* – «шпион»). Суть дела состояла в том, что мелкий правительственный чиновник, нуждаясь в деньгах, направил письма Св. Николаю, в которых предлагал выдать ему «важную государственную тайну». Церковь, естественно, проигнорировала это предложение, восприняв как шутку безумца, однако полиция узнала о письмах, и было начато расследование. Расследование же не выявило ничего подозрительного, и дело закончилось, однако очень многие японцы приняли случившееся всерьез. За этим скандалом последовали другие подобные ему, и каждый раз православных японцев во главе со Св. Николаем подозревали в том, что они являются тайными агентами.

С началом войны преследования верующих ужесточились. Особенно тяжелым оказалось положение Владыки Николая. Война началась 6 февраля 1904 г., в день, когда Япония разорвала дипломатические отношения с Россией и фактически начала военные действия. Российское посольство в Токио прекратило свою работу, а всем русским было предписано покинуть Японию. Это предписание касалось и главы Российской Православной Миссии в Японии, Св. Николая, перед которым встал тяжелейший вопрос выбора: уехать, как представители российского посольства, или остаться без надежной связи с родиной и в

ожидании самого худшего. «Как поступить? – писал он в дневнике 5 февраля. – Себялюбие тянет в Россию, – больше 23 лет там не был, и отдохнуть от однообразного долгого труда хочется, но польза церковная велит остаться здесь» [7]. «Церковная польза», ответственность за судьбу паствы и определили его решение. Если правительство Японии с самого начала благосклонно отнеслось к этой просьбе Св. Николая, предприняв к тому же еще накануне войны ряд охранительных мер по отношению к Российской Православной Миссии от действий националистически настроенных фанатиков [2, с. 172], то главной проблемой оставалось получение разрешения со стороны русского правительства, обеспечение юридического статуса епископа Николая. Но уже 9 февраля французский посланник дал согласие стать своеобразным гарантом его неприкосновенности на период войны и о. Николаю было разрешено остаться в Японии [7].

Миссию поставили под военную охрану, в особо напряженные дни на ее территории дежурило до роты солдат. Специальный циркуляр министра внутренних дел Японии запрещал «смешивать религию с политикой» и предписывал «не причинять никаких беспокойств православным христианам, имеющим отношение к России» [14, с. 1355], т. к. ненависть к Православной Церкви и ее последователям не согласуется с поведением цивилизованной нации и набрасывает тень на честь страны [16, с. 782].

Однако, несмотря на защиту и покровительство японского правительства, известия о гонениях на православных христиан одно за другим стали поступать со всех концов Японии. Националистические настроения, доведенные войной до крайности, приводили к тому, что православных японцев в народе называли предателями, исповедниками «русской веры», «русского христианства», а на саму Миссию смотрели как на «гнездо шпионов», «злостное место, откуда сыплются проклятия на голову Японии и где молятся о ее поражении» [16, с. 777]. «На «русских шпионах» положительно помешались все эти японцы! – возмущенно отмечает в своем дневнике Св. Николай. – Всех христиан записали в шпионы и вот так с ними обращаются по местам! Просто несносно, наконец» [7].

То есть нельзя не согласиться с тем, что положение столь молодой и еще не окрепшей Японской Православной Церкви было весьма затруднительным в эти годы. Как замечает известный дореволюционный исследователь-востоковед Д. Позднеев, и православные японцы, и архиепископ Николай оказались в том положении, которое в доктрине нравственной философии называется *collisio officiorum*, т. е. столкновение двух видов нравственных обязанностей [16, с. 787]. Для православных японцев это были долг к родине, совершенно естественное чувство патриотизма, и долг религиозный, чувство дружелюбного отношения к России, от которой они получили свою веру. Положение Св. Николая было еще более тяжелым, т. к. необходимо было

дать духовное руководство по этому вопросу православной пастве, а также решить его для себя.

«Нужно найти такую точку зрения, ставши на которую можно восстановить равновесие духа и спокойно делать свое дело», – записывает Святитель в дневнике. И действительно находит ее: «Я здесь не служитель России, а служитель Христа.<...>А служителю Христа подобает быть всегда радостным, бодрым, спокойным, потому что дело Христа – не как дело России – прямо, честно, крепко, истинно» [2, с. 174]. «Радостным», «бодрым» и «спокойным» Св. Николай не стал, убеждаясь в том, что «патриотизм такое же естественное чувство человека, как сознание своего я» [2, с. 177]. Он был русским, что создавало между ним и японцами невидимую стену. «Не с кем поделиться мыслями, не с кем разделить горе; один среди японцев, а их вождения и интересы – диаметрально противоположные», – поверял дневнику Святитель [6, с. 50].

Потребовался незаурядный такт, чтобы в таких условиях, условиях войны Японии и России, выработать правильную нравственную позицию – не нарушить долга патриотизма по отношению к своей родине и одновременно не ставить под удар православных японцев, число которых к тому времени достигло 28 тыс.

В советской историографии распространенным был тезис о том, что «в соответствии с позицией японского правительства о. Николай молился за победу японских войск». Но это утверждение является грубейшей ошибкой, высказанной безосновательно и вне всякой связи с реальным положением дел. Все происходило с точностью наоборот. Приняв на себя ответственность за состояние такой большой общины, Св. Николай принимает решение не участвовать в богослужениях Японской Церкви. 7 февраля 1904 г., во второй день войны, он известил об этом православных: «Сегодня я по обычаю служу в Соборе, но отныне и впредь уже не буду принимать участия в общественных богослужениях вашей Церкви... доселе я молился за процветание и мир японской империи. Ныне же, раз война объявлена между Японией и моей родиной, я, как русский подданный, не могу молиться за победу Японии над моим собственным Отечеством. Я также имею обязательства к своей родине, и именно поэтому буду счастлив видеть, что вы исполняете долг в отношении к своей стране» [16, с. 786].

В «Окружном письме к японским православным христианам для успокоения Церкви, встревоженной объявлением войны» от 11 февраля 1904 г. Св. Николай объяснял христианам, какова должна быть их духовная и гражданская позиция. «Молите Бога, чтоб Он даровал победу вашему императорскому войску, благодарите Бога за дарованные победы, жертвуйте на военные нужды, – писал он. – Кому придется идти в сражение, не щадя своей жизни, сражайтесь, не из ненависти к врагу, а из любви к вашим соотечественникам, помня слова Спасителя: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоан. 15,

13). Словом, делайте все, что требует от Вас любовь к Отечеству. Любовь к Отечеству есть святое чувство» [16, с. 787]. Однако просил не забывать, что «кроме земного Отечества есть еще Отечество небесное», к которому принадлежат люди «без различия народностей, потому что все люди одинаково дети Отца Небесного и братья между собою».

Все свои силы в рассматриваемый период Св. Николай направил сначала на переводческую деятельность, а с появлением в Японии первых русских военнопленных – на заботу о них. Что касается Японской Православной Церкви, то война не принесла с собой перемены в ее деятельности, что является, на наш взгляд, свидетельством жизнеспособности японского православия. Катехизаторы продолжали проповедовать, ученики посещать школы Миссии, в установленные сроки созывались соборы, происходили крещения новых членов церкви [8, 9, 10]. И хотя Святитель Николай говорит о «весьма скудных успехах проповеди» в эти годы, крещение в среднем 650 японцев в год в условиях войны Японии и России и отвлечением деятельности Миссии от прямых обязанностей на заботу о русских военнопленных представляется довольно значительным достижением.

Хотя, следует заметить, что главным испытанием для японских православных верующих в годы войны было прежнее непонимание со стороны соотечественников. Стремясь продемонстрировать свою гражданскую позицию, преподаватели православной семинарии, например, составили и издали «Японско-русский военный разговорник» и пожертвовали его в пользу японской армии [7]. К тому же с началом военных действий православные японцы организовали в Токио «Комиссию служения отечеству в военное время», куда вошли японское духовенство, преподаватели японской семинарии, катехизаторы и старосты православных общин г. Токио. Главными задачами Комиссии являлись сбор денежных и вещественных пожертвований в пользу военных, посещение военных госпиталей, раздача больным и раненым духовно-религиозной литературы и т. п. [15, с. 162-163]

С появлением на японской территории русских военнопленных военному министру Японии было подано прошение о допущении к ним японских православных священников. Разрешение было получено и 20 мая 1904 г. при вышеназванной Комиссии было создано специальное отделение – «Общество духовного утешения военнопленных» [3, с. 1821]. Однако, необходимо не путать деятельность этого Общества с деятельностью Св. Николая в организации духовного утешения русских военнопленных. В исследовательской литературе эта грань в большинстве случаев размыта, и часто Св. Николай представляется его основателем и руководителем. На самом же деле, важно отметить, что «Общество духовного утешения военнопленных» было сформировано по инициативе японских верующих [7, 9, 15, 16], а его членами являлись не только православные японцы, но и люди светские, не имеющие отношения к Японской Православной Церкви, но одобряющие ее

деятельность в этой ситуации. Общество занималось сбором пожертвований, которые употреблялись на помощь Миссии в содержании священников у военнопленных, на подарки военнопленным и на посещение их для духовного утешения [4, с. 713-714]. К тому же, в четвертом номере «Церковных ведомостей» за 1905 г. содержится объявление о том, что «Общество духовного утешения военнопленных» предоставляет услуги в передаче денег, присланных к военнопленным, а также наводит справки о судьбе военнопленных, ответ на которые дается на основании сведений Центрального справочного бюро о военнопленных при Японском военном министерстве [15, с. 162]. В своих же проповедях преосвященный Николай старался пробудить чувства великодушия и милосердия к пленным русским солдатам и офицерам, убеждая видеть в пленных не врагов, а попавших в несчастье единомыслителей.

Что касается самого Св. Николая и его деятельности в этот период, то следует отметить тот факт, что по распоряжению Министерства иностранных дел Японии ему было запрещено лично посещать русских военнопленных «по причине опасности этого предприятия» [7]. Несмотря на это, оставаясь и в здании Российской Православной Миссии в Токио, Св. Николай полностью посвятил себя служению своим пленным соотечественникам. Был приостановлен перевод Священного Писания на японский язык, а все его время было занято заботой о них. В дневниках периода русско-японской войны, начиная с определенного момента нет буквально ни дня без записей, тем или иным образом касающихся военнопленных [2, 7].

С поступлением первых пленных в марте 1904 г. Архиепископ Николай для утешения их религиозных нужд назначает трех молодых и наиболее деятельных священников, знающих русский язык [9, с. 887]. По мере возрастания числа военнопленных, росло число священнослужителей, направленных к ним в лагеря (29 лагерей, расположенных от Акита на севере до Кумамото на юге). С падением Порт-Артура, после мукденского и цусимского сражений 1905 г. в Японию начинает поступать такое количество военнопленных, о котором Св. Николай не мог даже предполагать. По его подсчетам оно превысило 73 тыс. человек [10, с. 856].

В виду такого высокого числа пленных и небольшого – священнослужителей (17 священников и 6 диаконов) [10, с. 856], Св. Николай разрешал практику совершения «общей исповеди». Например, в марте 1905 г. в г. Мацуяма было размещено 3069 военнопленных, а при них находился лишь 1 православный священник Сергей (Судзуки), который и получил такое разрешение [2, с. 178-179].

К тому же важна была и моральная поддержка, какую оказывал Св. Николай, находясь в постоянной переписке со многими пленными, в основном, с образованными офицерами [12]. Он стремился всячески отвлечь пленников от уныния и отчаяния, присылал азбуки, чтобы

офицеры обучали солдат грамоте, офицерам отправлял научную и духовную литературу, краски и холст для желающих заниматься рисованием и т. д. [1, с. 396-397]. «Слышно, что некоторые от тоски с ума сходят, – пишет Святитель в одном из писем к пленным офицерам. – Какая слабость! Ведь это же стыд для военного человека, обязательные качества которого – твердость духа и мужество». И далее: «Пусть скучающие и тоскующие возымеют намерение не скучать и не тосковать.<...> Затем пусть зададут себе работу: писать, читать, сочинять, изучать что-нибудь, и пусть действительно займутся – печаль как рукой снимет. Разве нет у человека воли, чтобы исполнить все это, такое простое?» [12, с. 879-880].

Однако, можно себе представить каких огромных затрат стоило и без того бедной материально Миссии духовное утешение военнопленных. Пленный капитан Георгий Селецкий в письме к епископу Николаю отмечает о том, как «нелегко дается дело помощи японским православным», т. к. «в их среде пока еще мало зажиточных и влиятельных людей, а большинство из них ниже среднего класса» [5, с. 165]. Епископ Николай знал об этом как никто другой, но помочь военнопленным было необходимо. «Как не сделать все, что только возможно для наших дорогих соотечественников, на пожертвования которых и Миссия существует? – делился своими проблемами в письме к епископу Алеутскому и Северо-Американскому Тихону Святитель Николай. – Но Миссия в этих расходах достигла предела, за который преступить было бы уже посягнуть на ее существование» [13, с. 459]. Или к протоиерею Н. В. Благоразумову в Петербург: «У кого хотите, но достаньте пожертвований 4. 500 рублей на крестики! Иначе, ведь это самоебуйство для Миссии; я трачу деньги, которыми должен содержать ее» [4, с. 714].

И действительно, из России, а иногда и из Америки через посольство Франции для военнопленных, находящихся в Японии, непрерывным потоком поступали всевозможные книги и крупные денежные пожертвования. Например, благодаря материальной помощи от епископа Алеутского и Северо-Американского Тихона, в день праздника Пасхи 1905 г. все русские военнопленные в Пасхальное утро получили по книжечке «Пасхальное приветствие ЯПЦ русским братьям» [11] и по 2 красных пасхальных яйца, а во время праздничного богослужения были обеспечены восковыми свечами [13, с. 1222-1223].

После войны епископ Николай составил справку, в которой было расписано, какие суммы были пожертвованы и на что они были истрачены. В соответствии с этой справкой, общая сумма пожертвований составила более 91 тыс. иен, что превышало двухгодичной бюджет Миссии [7]. Следует отметить, что жертвовали на свои церковные нужды и на Японскую Православную Церковь русские военнопленные, хотя и сами не имели больших средств (в течение 1905 г. от них поступило 11. 707 руб.) [10, с. 356]. Это оказало благотворное влияние на японских

христиан, а опыт пригодился им в последствии, когда Церковь стала самостоятельной материально.

Несмотря на ряд прежде всего материальных проблем, вполне очевидно, что устройство молельных домов, снабжение иконами, крестиками, богослужебными и духовно-нравственными книгами, проведение богослужений и исполнение треб, оказали определенное влияние в деле налаживания религиозной жизни среди попавших в плен русских. И хотя проповедь местному населению практически остановилась, русско-японская война стала для Японской Православной Церкви периодом очень активной деятельности. Св. Николай, благодаря своей дальновидной позиции как миссионера и главы Церкви, спас отношения русской и японской православных Церквей, совершенно снял с Японской Православной Церкви всякие подозрения в политических интригах в пользу России, доказал свою собственную непричастность к политике и установил возможность полного взаимного доверия между Японией и Россией.

В своем рескрипте от 9 октября 1905 г. о сопричислении епископа Николая к ордену Святого Александра Невского Государь Император так оценил заслуги Святителя: «Вы явили пред всеми, что Православная Церковь Христова, чуждая мирского владычества и всякой племенной вражды, одинаково объемлет любовью все племена и языки. В тяжкое время испытаний вы не оставили вверенного вам стада и благодать любви и веры дала вам силу выдержать огненные испытания брани и посреди вражды бранной удержать мир веры и молитвы в Церкви, трудами вашими созданной» [16, с. 793].

Что касается авторитета Св. Николая в японском обществе, то он также был непререкаем. После войны он вырос настолько, что даже наиболее националистически настроенная газета «Нихон» в 1909 г. писала, что «если бы архиепископ Николай был рожден в другой стране и принадлежал к другой Церкви, то он был бы высоко уважаем нашим народом как талантливый иностранец, имеющий самые разнообразные и тесные отношения с японцами, оказавший стране большие услуги и любящий последнюю, как свою вторую родину» [16, с. 792].

Таким образом, события русско-японской войны 1904-1905 гг. доказали жизнеспособность японского православия и способствовали, на наш взгляд, становлению и развитию Японской Православной Церкви как церкви самостоятельной и независимой, а также продемонстрировали мудрость «талантливого иностранца», Св. Николая Японского, который руководствуясь правдой и верой Христовой смог заложить основание для прочного примирения русских и японцев. «И от самого малого волнения гнилое судно гибнет, – говорил по этому поводу Святитель Николай. – Однако же Церковь наша вполне цела и непоколебима. <...> Не очевидное ли это показание того, что Японская Православная Церковь стоит не на песке, а на том же краеугольном камне, на котором непоколебимо и будет до скончания века стоять вся

Вселенская Церковь?» [8, с. 1532]. И действительно, более ста лет прошло с тех пор, а Японская Православная Церковь продолжает существовать в Японии, являясь живым феноменом и продолжая оказывать определенное воздействие на духовную, культурную и социальную жизнь Японии.

Литература

1. *Архиепископ Николай* в письмах к протоиерею Н. В. Благоразумову // Русский архив. – 1912. – №3. – С. 527-535.
2. *Выдержки* из дневников Святителя Николая Японского // Святитель Николай Японский. Краткое жизнеописание. Выдержки из дневников. / Сост. А. А. Чех. – СПб.: Библиополис, 2001. – С. 63-195.
3. *Вести* о военнопленных русских в Японии // Прибавление к Церковным ведомостям. – 1904. – №45. – С. 1821-1822.
4. *Духовная* помощь русским военнопленным в Японии // Прибавление к Церковным ведомостям. – 1905. – №16-17. – С. 713-714.
5. *Извлечение* из письма отставного капитана Георгия Селецкого // Прибавлением к Церковным ведомостям. – 1905. – №4. – С. 166-167.
6. *Логачева Л. Н.* Япония и Россия в дневниках Святого Николая Японского / Л. Н. Логачева // Православие на дальнем Востоке. Вып. 2: Памяти Святителя Николая, Апостола Японии (1836-1912) / Отв. ред. М. Н. Боголюбов. – СПб.: Изд-во СПбУ, 1996. – С. 50-58.
7. *Накамура К.* Дневники Св. Николая Японского в период русско-японской войны [Электрон. ресурс] / К. Накамура. – Режим доступа: <http://www.japantoday.ru/arch/jurnal/0506/08.html>. Доступ – 31.05.2009 г.
8. *О соборе* Японской Православной Церкви в 1904 г. // Прибавление к Церковным ведомостям. – 1904. – №39. – С. 1531-1534.
9. *О состоянии* Российской Духовной Миссии в Японии в 1904 г. // Прибавление к Церковным ведомостям. – 1905. – №21. – С. 886-888.
10. *О состоянии* Российской Духовной Миссии в Японии в 1905 г. // Прибавление к Церковным ведомостям. – 1906. – №27. – С. 355-356.
11. *Пасхальное* приветствие японских христиан русским братьям // Прибавление к Церковным ведомостям. – 1905. – №32. – С. 1369-1370.
12. *Письма* епископа Николая пленным офицерам // Прибавление к Церковным ведомостям. – 1905. – №21. – С. 879-882.
13. *Письма* преосвященного Николая, епископа Японского, к преосвященному Тихону, архиепископу Алеутскому и Северо-Американскому // Прибавление к Церковным ведомостям. – 1905. – №11. – С. 458-459. – №21. – С. 882-884. – №29. – С. 1221-1224.
14. *Письмо* преосвященного Николая настоятелю посольской церкви в Берлине протоиерею А. П. Мальцеву // Прибавление к Церковным ведомостям. – 1904. – №35. – С. 1355.
15. *Пленные* в Японии // Прибавление к Церковным ведомостям. – 1905. – №4. – С. 162-170.
16. *Позднеев Д.* Японская Церковь во время русско-японской войны / Д. Позднеев // Прибавление к Церковным ведомостям. – 1912. – №19. – С. 777-793.